

УДК 94:378(470.62)»1917/1991»
ББК 63.3(2 Рос-4Кра)6
Ч 92

С.А. Чупрытников,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций, Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: 8-918-499-55-74, e-mail: chuprynnikov@mail.ru

Высшая школа в условиях советского социалистического мобилизационного проекта 1930-х годов (на материалах Кубани)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется становление и состояние советской системы высшего образования в условиях мобилизационного социалистического проекта 1930-х гг., характеризуется кадровая партийно-советская политика в высшей школе, происходившие «чистки», освещаются вопросы подготовки кадров молодых специалистов, материально-бытовые условия научных работников и студентов, делается вывод о целенаправленности системы высшего образования под производящую экономику с соответствующими ценностями и ценностными ориентациями.

Ключевые слова: советская мобилизационная экономика, система образования, высшая школа, кадры научных работников, студенчество, тотальный контроль, «чистки», материальное обеспечение, подготовка специалистов, советская интеллигенция.

S.A. Chuprynnikov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Political Science and Social Communications, Kuban State Technological University, Krasnodar, tel. : 8-918-499-55-74, e -mail: chuprynnikov@mail.ru

Higher School Institution under the Soviet socialist mobilization project of 1930-s (as shown by materials of the Kuban region)

Abstract. The article analyzes the emergence and the state of the Soviet system of higher education in terms of the mobilization socialist project of the 1930s. Personnel Party — Soviet policy in higher education is characterized, as well as «cleansings» that took place. Issues of training of young specialists are highlighted. Material and consumer conditions of scientists and students are analyzed. The conclusion about expediency of higher education under the producing economy with appropriate values and value orientations is made.

Keywords: Soviet mobilization economy, the education system, higher school establishment, staff of scientists, students, total control, «cleansings», material support, training, Soviet intelligentsia.

Сегодня в условиях реформирования всей системы образования, в том числе и высшего, представляется небезынтересным опыт становления и развития высшей школы в период «социалистического прессинга» 1930-х гг. Некоторые его составляющие, в частности целенаправленная работа с кадрами выпускников, на наш взгляд, заслу-

живает особого внимания. Проблемам становления высшей школы в регионе посвящено немало работ, рассматривающих самые различные его аспекты [1]. Представленная работа является попыткой восполнить определенные моменты в становлении высшей школы в Северо-Кавказском регионе в обозначенный период, в частности на Кубани.

Советская экономика 1930-х гг. по форме управления являлась директивной или, как ее еще называют, административно-командной, плановой, то есть с определяющей ролью самого государства. Такой подход в управлении прослеживался и в сфере образования, являвшегося институтом, обеспечивавшим развитие этой экономики через основной составляющий элемент — кадры. В 1930-е гг. советское государство активно и целенаправленно определяет и осуществляет создание и развитие высшей школы, принципиально новой структуры, заточенной, в отличие от современной, под формирование человека-творца, а не профессионала-потребителя.

В Северо-Кавказском крае сразу после административной реформы (упразднения округов) и в разгар борьбы с «правым уклоном» (так называемой «кондратьевщины») местные партийные и советские органы уделяют особое внимание высшей школе.

В партийных органах (начиная с аппаратов ГК ВКП(б)) вводится должность «инструктор по вузам», а партбюро горкомов ВКП(б), где имелись вузы (прежде всего это гг. Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Краснодар) рассматривают «вузовские» вопросы чуть ли ни на каждом бюро.

Поднимается статус вузовских работников — они становятся партноменклатурой [2], закрепляется практика утверждения преподавателей общественных дисциплин на бюро ГК ВКП(б) [3], повышается значимость общественных дисциплин, «чтобы они действительно заняли ведущую роль в деле воспитания будущих специалистов» [4], усиливаются проводившиеся и ранее кампании по «чистке». Последние принимают жесткий характер. На заседании Краснодарского общегородского партактива 5 ноября 1930 г. помдиректора по учебной части института пищевой промышленности Бахтияров отмечал: «Значительная часть нашей профессуры, человек 14, сидит сейчас в ГПУ» [5], многие сняты с должности (один из них — директор с/х института Ленский). Переизбира-

ются городские бюро секции научных работников. Причем цель этих переизбраний не научно-профессиональная, а идейно-политическая, потому что в их составе должны быть прежде всего «подлинно советские, пролетарские научные работники» [6]. Распускаются бюро ячеек ВКП(б) институтов, а в целях «укрепления партийного влияния в ВУЗах берется линия на выдвижение помощников директоров по учебной части-партийцев» [7].

Ужесточается цензура публикаций ученых. Так, бюро Краснодарского ГК ВКП(б), рассмотрев 19 марта 1931 г. вопрос «О книге Лихницкого «Классовая борьба и кулачество на Кубани» принимает решение «обязать всех коммунистов, издающих свои научные труды, без предварительной коллективной проработки их в **соответствующих организациях** (выделено мною — прим. авт.) не печатать» [8].

Происходит и организационная перестройка вузов, уменьшение их количества, слияние. Так, на базе маслобойно-жирового факультета СКИППа создается Всесоюзный институт маслобойно-маргариновой промышленности (ВИММП). В июне 1932 г. бюро Краснодарского ГК ВКП(б) принимает решение «считать недопустимым открытие новых вузов, техникумов и рабфаков без разрешения ГК» [9]. 5 ноября 1933 г. бюро Краснодарского ГК ВКП(б) на основе решения Северо-Кавказского КК ВКП(б) принимает решение о слиянии института спецтехкультур и института селекции и семеноводства в Краснодарский сельхозинститут [10].

В середине 1930-х гг. тотальный контроль над вузами усиливается. В январе 1935 г. на основании постановления бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) «Об антипартийных контрреволюционных вылазках в вузах» бюро Краснодарского ГК ВКП(б) постановляет прикрепить к парторганизациям вузов и рабфаков членов бюро, пересмотреть состав секретарей парткомов вузов, создать при ГК ВКП(б) постоянное вузовское совещание, организовать для научных работников города постоянные

лекции и доклады по вопросам марксизма-ленинизма и текущей политики партии [11], а директорам ВУЗов, ВТУЗов и техникумов «запрещается производить наборы студентов без утверждения контингентов ГК ВКП(б) и ЦК ВКП(б) [12].

По нарастающей продолжают «чистки» в своей большей части по надуманным, идеологическим основаниям, или «на всякий случай». Так, 15 января 1935 г. бюро Краснодарского ГК ВКП(б), рассмотрев вопрос «О т. Гольдиной» (преподаватель ВИММПа), принимает решение «ввиду того, что т. Гольдина была в 1923 г. (12 лет назад(!) — прим. авт.) связана с троцкистской оппозицией (голосовала за троцкистскую платформу), освободить её от преподавания ленинизма в ВИММПе [13]. 27 февраля 1935 г. за «идеологическую неустойчивость» был исключен из партии (и соответственно освобожден от должности) преподаватель диамата пединститута Овандер Н.Э. (в письме к знакомому писал, что, находясь в командировке в ст. Васюринской, испытал то, что Маркс называл «идиотизмом деревенской жизни», а бюро решило, что он этим самым отождествлял колхозную деревню с капиталистической), преподаватель ВКСХШ Раков за «антиленинские формулировки диктатуры пролетариата», преподаватель статистики Кузьмин — за «отрицание марксистской методологии в преподавании статистики», секретарь парткома мединститута — за то, что на собрании, посвященном 17-й годовщине Красной Армии, допустил в выступлениях «смазывание роли Сталина как организатора её побед», заведующая вечерним комвузом Фоменко, преподававшая в совпартшколе историю СССР, — за «извращение теории Ленина-Сталина о построении социализма в одной стране» [14] и др. [15].

Хотя наряду с такими надуманными «освобождениями», «снятиями», «исключениями» и т.п. «чистками» были и случаи обратного порядка. Приведем выписку из заседания бюро Краснодарского ГК ВКП(б)

от 23 ноября 1935 г. «Дополнительный акт проверки партдокументов парторганизации СХИ» в отношении директора сельскохозяйственного института К.Н. Коренева:

«Установлено, что Коренев Кузьма Никанорович (партбилет №0257339) директор СХИ получал через мать своей жены (германскую подданную), живущую вместе с ним, денежные пособия и посылки от фашистского германского правительства.

Установлено, что мать жены Коренева, живя вместе с ним, являясь германской подданной, обращалась к германскому правительству за помощью, ссылаясь на свое якобы бедственное положение в СССР, и получала эту помощь до последнего времени. Коренев, зная об антисоветской кампании, ведущейся немецкими фашистами, не только не препятствовал получению этой помощи своей семьей, но и участвовал в ней (сам писал в германское консульство по вопросам получения пособия). Ссылки Коренева К.Н. на то, что получаемые пособия являются пенсией за убитых на войне сыновей, являются неосновательными, так как эти пособия посылались матери его жены именно как «остронуждающейся», после ее ходатайства и неоднократных сокращений фашистами лиц, получающих пособия в связи с мировой войной [16].»

Кроме этого, Коренев К.Н., несмотря на то, что имел партстаж, подтвержденный решением ЦКК в 1929 г., с 1918 г., продолжал выдавать себя за члена ВКП(б) с 1903 г., не имея на то никакого права [17]. Постановили: Коренева Кузьму Никаноровича за антипартийное поведение и присвоение партстажа с 1903 года — из рядов ВКП(б) исключить. Снять с работы ректора СХИ. Просить утвердить это решение. Командировать работника для работы ректором СХИ [18].

Правильным ли было это решение в тех условиях с позиций современной переоценки ценностей — вопрос риторический. (Тем более, что из приведенных ниже данных, трудно (по меркам того времени) считать научных работников и их семьи «нуждающимися»).

Вместе с тем, особое внимание уделяется материально-бытовому обеспечению научных кадров как на местном городском уровне, так и на региональном, краевом. Так, 20 мая 1933 года бюро Краснодарского ГК ВКП(б) принимает решение установить 10-процентную бронь для научных работников в домах, строящихся за счет бюджета горсовета, организовать специально для них хозрасчетный магазин, оборудовать специальную столовую для научных работников [19].

А 10 июня 1933 г. было принято постановление Президиума Северо-Кавказского КИКа «Об организации при КИКе Постоянной Комиссии Содействия Ученым», в котором указывалось, что «в целях содействия развертыванию научно-исследовательской работы в крае и улучшения условий труда и быта научных работников при КИКе создается постоянная комиссия содействия ученым» [20].

Через два с половиной месяца, 22 августа 1933 г., принимается

Постановление Северо-Кавказского КИКа «Об улучшении снабжения научных работников края», в котором Комиссии Содействия Ученым (КСУ) и Крайснабу предлагалось организовать с 1 сентября с.г. в крупных вузовских центрах края: Ростове, Краснодаре, Новочеркасске — специальные закрытые распределители (льготы для научных работников были и раньше предусмотрены советскими законами, но они местными организациями игнорировались). Этим же постановлением определялся контингент научных работников, подлежащих включению на особое снабжение по линии КСУ в 400 человек, которые разбивались по группам: 30 человек, имеющих особые научные заслуги, 170 — высококвалифицированных научных работников-профессоров и 200 — доцентов и утверждались нормы их снабжения по группам [21].

Приведем эти нормы снабжения научных работников: [22]

Наименование товара	Особая группа (30 чел.)	1-я группа (170 чел.)	2-я группа (200 чел.)
Пшеничная мука	8 кг	5 кг	3 кг
Сахар	5 кг	3 кг	2 кг
Мясо	3 кг	2 кг	2 кг
Рыба-сельдь	3 кг	2 кг	2 кг
Масло животное	3 кг	2 кг	1 кг
Масло растит.	2 л	1 л	1 л
Крупа	4 кг	2 кг	2 кг
Колбаса	1 кг	1 кг	—
Сыр	3 кг	1,5 кг	1 кг
Конфеты, печенье	5 кг	3 кг	3 кг
Чай	200 гр.	100 гр.	100 гр.
Мыло хоз.	3 куска	2 куска	2 куска
Мыло туалетное	3 куска	2 куска	2 куска
Консервы	5 кор	3 кор	3 кор
Папиросы	750 шт.	750 шт.	750 шт.
Молоко	1 литр в день	1 литр в день	0,5 литра в день
Промтовары	150 руб. на квартал	100 руб. на квартал	100 руб. на квартал

Подчеркнем — это все в голодный 1933 год (!).

Вместе с вопросами материального обеспечения кадров высшей школы особое внимание уделяется совершенствованию (а точнее, созданию) системы использования выпускников-специ-

алистов. Мобилизационная экономика и реализация лозунга-призыва «Лицом к производству» требовали постоянного притока специалистов непосредственно на предприятия, в школы, на транспорт, в больницы, учреждения, а не в управленческий аппарат. При-

чем нужда в специалистах оставалась очень высокой, несмотря на то, что за годы первой пятилетки вузы и техникумы СССР подготовили 172 тыс. и 308 тыс специалистов соответственно. Но значительная часть этих выпускников «оседала» в управленческих структурах.

15 сентября 1933 г. принимается Постановление ЦИК и СНК СССР «Об улучшении использования молодых специалистов» [23], в котором, на наш взгляд, продуманно и обоснованно представлены все составляющие системы подготовки и использования специалистов, отдельные из них актуальны и для современной российской двухуровневой системы высшего образования.

Приведем некоторые его положения. По постановлению:

1) «все окончившие вузы и техникумы молодые специалисты обязывались проработать в течение пяти лет по указанию наркоматов на производстве» (в последующем это советская система распределения с уменьшенным сроком отработки до трех лет). В течение этого срока наркоматам и учреждениям **запрещалось** (выделено мною — прим. авт.) оставлять молодых специалистов на работе в управленческом аппарате.

2) Все молодые специалисты должны были в обязательном порядке пройти школу низшего административно-технического персонала (подмастерье, мастер, сменный инженер и т. п.) и направлялись на работу по специальности непосредственно на производство: в цехи, участки, депо, станции, колхозы, совхозы, врачебные пункты и т.п. в качестве рядовых специалистов. Не по специальности использовать молодых специалистов категорически **запрещалось**.

3) Всякое самовольное устройство на работу после окончания вуза, техникума и неприбытие к месту работы должно рассматриваться как нарушение закона, а виновные должны привлекаться к судебной ответственности.

4) Обязать наркоматы поставить дело распределения таким образом, чтобы за год до окончания учебного

заведения учащийся знал, на какое предприятие он будет командирован и чтобы его преддипломный проект и практика были связаны с характером будущей работы.

5) Запретить принимать в вузы окончивших техникумы при отсутствии у них 3-х летнего стажа работы на производстве. Допустить в виде исключения прием наиболее способных — не более 5% от выпуска каждого техникума.

7) Обязать наркоматы направить на предприятия для работы по специальности на срок не менее 5-ти лет, не менее половины молодых специалистов, работающих в управленческом аппарате, которые окончили вузы и техникумы в течение последних 5-ти лет и после учебы не были на производстве или были на нем менее 3-х лет. Пересмотреть в 6-ти месячный срок весь состав аспирантов и направить на производство тех, которые не проявили себя в аспирантуре.

За невыполнение этих указаний в срок виновных привлекать к судебной ответственности.

В предвоенные годы в распределительной системе выпускников вузов усиливается ответственность и роль наркоматов. В 1938 году полностью отменяется практика распределения окончивших вузы непосредственно вузами и устанавливается, что персональное распределение утверждается **лично** (выделено мною — прим. авт.) наркомом [24]. Теперь наркоматы обязывались за 6 месяцев до сдачи студентами госэкзаменов и защиты дипломных работ персонально ознакомиться с оканчивающими вузы и наметить план их распределения на работу. План представлялся в СНК СССР и в ЦК ВКП(б) не позднее чем за 1 месяц до выпуска. Все специалисты с высшим образованием брались на персональный учет и наркоматы должны были знать о перемещениях их на другую работу [25].

Предпринимаются шаги по укреплению и расширению материальной базы вузов. Еще в начале 1930-х гг. директор СКИППа А.С. Агурейкин командировался в г. Москву

«для решения вопроса нового строительства института и проведения эскизного проекта» (с 11 марта по 23 апреля 1931 г.) [26], а бюро ГК ВКП(б) рассматривало вопрос о выделении земельного участка под строительство пединститута [27]. Эти же вопросы ставились и позже, спустя пять лет, в 1936 г. [28].

В 1935 г. Пединститут имел подсобное хозяйство со свинофермой на 53 головы, МТФ на 11 голов, земельный участок в 20 га [29]; сельхозинститут — пасеку из 73 пчелосемей, теплично-парниковое хозяйство, метеорологическую станцию [30]. На пополнение своей библиотеки, которая работала в две смены с 8 до 23, институт в 1934/1935 уч. году истратил 22 тыс. рублей и приобрел оборудования для кафедр на сумму 63 830 руб. [31]; ВИММП имел учебно-опытный завод и мастерскую для проведения академической практики [32], в 1935 году организовал свой дом отдыха в Кабардинке на 160 человек ежемесячно, причем несколько мест в нем было отведено подшефному колхозу и детской коммуне [33].

Однако оставляла желать лучшего бытовая сторона жизни самого студенчества, его обеспеченность продуктами питания, жильем.

Хотя еще с конца 1920-х — начала 1930-х гг. студенческие столовые решением партийных органов приравнены были к закрытым столовым, но торговые и потребительские организации не выполняли этого решения. Поэтому принимаются решения об организации сети закрытых распределителей для студенчества, прикрепления студентов к существующим амбулаториям города и обеспечения удовлетворения студенчества в ремонте обуви и платья [34]. Кроме этого, за пролетарским студенчеством (в г. Краснодаре это студенты прежде всего сельхозинститута и института пищевой промышленности) сохранялись все льготы по коммунальным услугам (трамвай, свет, баня и т.п.). Приоритет пролетарского студенчества (классовый подход) подтверждался и позже, когда для студен-

тов сельхозинститута и технических вузов была установлена норма потребления хлеба в 600 граммов (научным сотрудникам и аспирантам — 500 гр.), а остальным студентам непродовственных вузов — 300 гр. [35]. В июне 1932 г., вновь рассмотрев материально-бытовое положение студенчества, бюро ГК ВКП(б) постановляет организовать во всех крупных вузах самостоятельные разукрупненные столовые, открыть хлебные точки и колхозные ларьки в них, увеличить промтоварные фонды для студенчества [36].

Принимаются жесткие решения в отношении взиманий со стипендий студентов различных взносов, отчислений, которые в начале 1930-х гг. были недопустимо высоки: от 25% до 42%, а у отдельных студентов и того выше — до 70% — 80%. Причем отчисления брались без согласия, а тех, кто не соглашался, обвиняли «в уклонах» По постановлению секретариата ГК ВКП(б) от 14 мая 1932 г. запрещались какие-либо удержания со стипендий, кроме установленных правительственными решениями, и они (включая и заем) не должны были превышать 14-15 процентов. Кроме этого, студент должен был состоять не более чем в 3-х обществах [37].

Остро стоял вопрос и с общежитиями. На Краснодарской горпартконференции 17-21 января 1932 г. отмечалось: «...Пищевой институт (ВИММП — прим. авт.) из потребной ему 3225 кв.м. жилой площади имеет только 1560. Институт спецтехкультур из 175 — 75. В вузовских организациях зачастую на площадях для студентов живут совершенно посторонние люди (в институте селекции и семеноводства 548 кв. м., предназначенных для студентов, занимается посторонними жильцами, в медтехникуме из 796 кв.м. посторонними занято 180 кв. м. (20%)» [38].

В 1935 г. общежитие рабфака Кубанского мединститута было обеспечено тумбочками, одеялами, подушками, полотенцами только на 50%, простынями — на 75% [39], в общежитиях пединститута — подушки —

только крайне нуждающимся [40], на 800 студентов располагал 220-230 местами общежития (т. е. обеспеченность всего около 30%, в одной комнате — студент и семья из 4-х человек), в общежитиях отсутствовала канализация, умывальники — только на первом этаже, 40% студентов полуобуты, 30% одеты очень плохо, острая нужда в 200 парах обуви, галошах — 400 пар, готового платья (верхнего и нижнего белья) — 3 тыс. штук [41]. Часть студенчества (педтехникум, педрабфак) вообще размещалась в торговых помещениях, не приспособленных для жилья. Решением бюро ГК ВКП(б) от 2 февраля 1935 г. они были переселены в помещения, занимаемые организациями и учреждениями [42].

Со второй половины 1930-х годов в высшей школе выстраивается четкий внутренний порядок, начинает жестко требоваться строгое соблюдение графика занятий, повышаются требования к квалификации преподавательского состава. В принятом 7 июля 1936 г. положении к бюро Краснодарского ГК ВКП(б) «О мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе высших учебных заведений и руководства высшей школой» предписывалось [43]:

— вступительные экзамены должны принимать только ведущие преподаватели и заведующие кафедрами;

— жесткое соблюдение графика занятий в соответствии с учебными планами и нагрузкой;

— ликвидировать имеющий место пресловутый «период настроения», «окна», срывы и переносы занятий;

— установить твердое расписание на весь учебный год в соответствии с учебными планами из наркоматов;

— директорам вузов пересмотреть состав своих замов по научной и учебной работе, деканов и заведующих кафедрами, укомплектовав их профессорами ведущих дисциплин данного вуза

Вместе с этим, в это время проявляется и такая составляющая, которая сегодня называется «коррупционная культура» (ее привнесла, скорее всего, «золотая молодежь» из непролетарской

среды). Так, бюро ГК ВКП(б) 22 февраля 1936 г., обсуждая вопрос об отчетно-выборном собрании в Мединституте констатировало: «Считать установленным, что в мединституте перед зачетной сессией имелись факты преподнесения студентами ценных подарков ряду преподавателей, причем в некоторых группах собирали на это дело по 7 рублей со студента» [44] (ранее, в протоколах партийных органов такого не отмечалось в таком масштабе). Оставляла желать лучшего посещаемость студентами занятий, требовательность преподавателей, организованность. На Краснодарском городском партактиве 7 апреля 1940 года отмечалось: «В мединституте на отдельных лекциях присутствует не более половины студентов. За 20 дней февраля 1940 г. пропущено около 7 тысяч академических часов. А студенты пединститута написали в редакцию газеты, что «мы не имеем возможности заниматься, записывать лекции. Лекторы за дисциплиной не следят, не обращают внимания на дисциплину, студенты на занятиях хором расппевают модные песенки из фильмов». И в то же самое время такие студенты писали на преподавателей жалобы за то, что «те требуют тишины во время занятий, хороших ответов на экзаменах и поэтому являются неблагонадежными, чиновниками и т.п.» [45].

В 1930-х гг. во время конкретного, «социалистического прессинга» система высшего образования становится советской по существу.

В ней внедряются советские новации с «массовой» ориентацией — от «чисток» до культурных мероприятий и массовых выездов научных работников в села. Так, в крупных городах начинают проводиться общегородские праздники, посвященные окончанию учебного года в вузах [46], организуются «Дни науки в колхозах». Первый такой день был проведен 18 декабря 1937 г. секцией научных работников и профсоюзом работников высшей школы г. Краснодара, когда около 90 преподавателей вузов и научных работников (из них — 28 профессоров

и 26 доцентов) выехали в 40 сельских районов Краснодарского края и прочитали лекции [47]. В это время на Кубани было 5 вузов с 4716 студентами, 5 рабфаков, 5 НИИ [48].

Выпускники вузов, особенно инженерных специальностей, становятся очень востребованными. Краснодарская газета «Красное Знамя» так сообщает о выпускниках ВИММПа: «Спрос на инженеров пищевой промышленности очень велик. Буквально на другой день после защиты дипломных работ тресты забирают студентов — молодых специалистов. Уже сейчас распределен весь выпуск 1935 г. по предприятиям» [49].

Бывшие выпускники пополняют состав «красных директоров», становятся руководителями регионального и федерального уровня. Газета «Большевик» сообщала: «Выпускник КХТИ 1937 г. М.С. Попов работает уже директором Краснодарского краевого треста «Крайжирмасло», П.А. Кравченко окончил в 1933г. КХТИ, теперь замнаркома автомобильной промышленности УССР. Бывший беспризорник Г.В. Фонов после окончания этого же вуза в 1936 году назначен главным инженером плавучего жирозавода «Алеут» на Дальнем Востоке, а бывший студент КХТИ В.Н. Кравченко работает главным инженером маслозавода в Байрам-Али в Узбекской ССР» [50].

Политика ВКП(б) и советского государства в сфере образования на Кубани в условиях мобилизационной, плановой экономики 1930-х гг. была направлена на ликвидацию отставания (вспомним сталинские слова «мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны ликвидировать это отставание за 10-20 лет, либо нас сомнут»), слом старой, с казачьими традициями и ценностями, Кубани и превращение её в современный, промышленно развитый регион.

В 1930-е гг. СССР (Россия) за десятилетие одним прыжком перескочил на четвертый технологический уклад (ТУ), став вровень с наиболее развитыми странами мира. Система высшего образования была заточена под производящую экономику и, как вся система образования в целом, не страдала содержательным упрощением со ставкой на личный «успех» и «успешность» выпускника — интеллигента. Была сформирована новая советская техническая интеллигенция, которая отвечала индустриальной по своей структуре экономике, подготовлены рабочие кадры, а произошедший экономический прорыв являлся не просто неким технологическим актом, но и событием глубокого духовного значения. Советская цивилизация становилась самостоятельным центром мирового развития, а само общество жило, как говорят, «в восходящем потоке истории».

Примечания:

1. Куценко И.Я. Революция и культура: очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918-1932 гг. Краснодар, 1973; Он же. Кубанский государственный технологический университет (1918-2008 гг.). Краснодар, 2008; Кубанский ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт (1922-1982 гг.) / под общ. ред. В.В. Ерошкина. Краснодар, 1982; Кубанская медицинская академия (1920-2000): информационно-справочный сборник / ред. кол.: Б.Г. Ермошенко и др. Краснодар, 2000; Черный В.И. Кубанский университет: 80 лет пути // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. №4; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.: в 2 т. Краснодар, 2002.

2. Центр Документации Новейшей Истории Краснодарского Края (далее: ЦДНИ КК) ЦДНИ. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 22. Л. 4об.

3. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 252. Л.55; Д. 253. Л. 49.

4. Там же. Д. 20. Л. 39.

5. Там же. Д. 36. Л. 26.

6. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 24. Л. 27об.

7. Там же. Д. 26. Л. 5.

8. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 96. Лл. 36-38.

9. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 266. Л. 5.

10. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 363. Л. 19.

11. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.
12. Там же. Д. 534. Л. 58.
13. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 534. Л. 22.
14. Там же. Лл. 87, 87 об, 91, 97.
15. Там же. Лл. 159-170.
16. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 537. Л. 49.
17. Там же.
18. Там же.
19. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 337. Лл. 9-11.
20. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 407. Л. 9.
21. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 407. Л. 11.
22. Там же. Л. 11 об.
23. Красное Знамя. 1933. 21 сентября.
24. Большевик. 1938. 9 марта.
25. Там же.
26. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 102. Лл. 17-18.
27. Там же. Л. 25 а.
28. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 665. Л. 246.; Д. 688. Л. 47.
29. Государственный Архив Ростовской Области (далее: ГАРО). Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 5680. Л. 4.
30. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 5306. Л. 42.
31. Там же. Лл. 17-18.
32. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 5319. Л. 11 об.
33. Красное Знамя. 1935. 12 июня.
34. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 25. Лл. 1-3.
35. Там же. Д. 94. Лл. 42-48.
36. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 225. Лл. 36-37.
37. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 259. Л. 6.
38. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 198. Л. 395.
39. ГАРО.Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 5290. Л. 17об.
40. ГАРО.Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 5286. Л. 20; Д. 5680. Л. 4.
41. ГАРО.Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 5319. Лл. 54, 56.
42. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 534. Л. 50.
43. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 707. Л. 67.
44. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 779. Л. 7 об.
45. Чупрынников С.А. Политика советского государства по укреплению трудовой дисциплины и улучшению качества продукции накануне Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. №2. С. 59.
46. Красное Знамя. 1935.30 июня; ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 649. Лл. 52-53.
47. Большевик. 1937. 20 декабря.
48. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1072. Л. 117.
49. Красное Знамя. 1935. 30 июня.
50. Большевик. 1939. 17 октября

References:

1. Kutsenko I.J. Revolution and Culture: A Short History of the struggle of the Party organizations of the North Caucasus for the implementation of the Cultural Revolution in 1918-1932 years. Krasnodar, 1973; The same. Kuban State Technological University (1918-2008). Krasnodar, 2008; Kuban Red Banner of Labor of Institute of Agriculture (1922-1982) / Under general. ed. V.V. Eroshkin. Krasnodar, 1982; Kuban Medical Academy (1920-2000): Reference and Information collection / ed. count.: B.G. Ermoshenko and others, Krasnodar. 2000; Chyernyj V.I. Kuban State University: 80 years to go// Proceedings of the universities. North Caucasus region. Social Sciences. 2000. №4; A. Rozhkov In the circle of peers: the life-world of a young man in Soviet Russia of the 1920s.: 2 vol. Krasnodar, 2002.
2. Documentation Centre of Contemporary history of Krasnodar Region (further TSDNI QC) TSDNI. F. 1072. Оп. 1. Д. 22. Л. 4об.
3. TSDNI QC. F. 1072. Оп. 1. Д. 252. Л.55; Д. 253. Л. 49.
4. Ibid. Д. 20. Л. 39.
5. Ibid. Д. 36. Л. 26.
6. TSDNI QC. F. 1072. Оп. 1. Д. 24. Л. 27об.
7. Ibid. Д. 26. Л. 5.

8. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 96. LL. 36-38.
  9. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 266. L. 5.
  10. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 363. L. 19.
  11. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 534. L. 11.
  12. Ibid. D. 534. L. 58.
  13. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 534. L. 22.
  14. Ibid. Ll. 87, about 87, 91, 97.
  15. Ibid. Ll. 159-170.
  16. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 537. L. 49.
  17. Ibid.
  18. Ibid.
  19. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 337. Pp.. 9-11.
  20. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 407. L. 9.
  21. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 407. L. 11.
  22. Ibid. L. 11 vol.
  23. The Red Banner. 1933. September 21.
  24. Bolshevik. 1938. March 9.
  25. Ibid.
  26. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 102. Pp.. 17-18.
  27. The same. L. 25 a.
  28. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 665. L. 246.; D. 688. L. 47.
  29. The State Archive of the Rostov Region (further: SIPA). FR-2287. Op. 1. D. 5680.
- L. 4.
30. SIPA. FR-2287. Op. 1. D. 5306. L. 42.
  31. Ibid. Ll. 17-18.
  32. SIPA. FR-2287. Op. 1. D. 5319. L. 11 vol.
  33. Krasnoe Banner. 1935. June 12.
  34. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 25. LL. 1-3.
  35. Ibid. D. 94. LL. 42-48.
  36. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 225. Pp.. 36-37.
  37. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 259. L. 6.
  38. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 198. L. 395.
  39. GARO.F. RV-2287. Op. 1. D. 5290. L. 17ob.
  40. GARO.F. RV-2287. Op. 1. D. 5286. L. 20; D. 5680. L. 4.
  41. GARO.F. RV-2287. Op. 1. D. 5319. LL. 54, 56.
  42. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 534. L. 50.
  43. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1.e. 707. L. 67.
  44. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 779. L. 7 vol.
  45. Chuprynnikov S.A. Policy of the Soviet state to strengthen labor discipline and improvement of the quality of products before the Great Patriotic War // News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences. 2013. №2. Pp. 59.
  46. The Red Banner. 1935.30 June; TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 649. Pp.. 52-53.
  47. Bolshevik. 1937. December 20.
  48. TSDNI QC. F. 1072. Op. 1. D. 1072. L. 117.
  49. The Red Banner. 1935. June 30.
  50. Bolshevik. 1939. October 17.